

ПРИТЧА В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ: ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА, ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ж.М. ЛОКЬЯЕВА

Институт гуманитарных исследований –
филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: kbigi@mail.ru

В статье рассматривается история возникновения жанра притчи, практически неисследованного в карачаево-балкарской фольклористике, определяются теоретико-методологические подходы к выявлению его сущности и специфики. На современном этапе, в эпоху перемен и нравственных потрясений, актуализируется необходимость обращения к истокам народной мудрости. В коротких поучительных рассказах в доступной художественной форме отражены важнейшие принципы нравственного поведения людей, этики взаимоотношений в социуме.

Ключевые слова: притча, карачаево-балкарский фольклор, жанр, этнос, поэтика.

В устном творчестве карачаевцев и балкарцев представлены практически все жанры фольклора, имеющие свои специфические особенности. Их изучение требует особого отношения. Как отмечает академик Г.Г. Гамзатов, фольклористика – это наука, определяющаяся мировоззрением эпохи и отражающая народную психологию, требующая высокой научной и идеологической дисциплины, исторически точного и дифференцированного подхода к отбору, анализу и оценке фольклорного памятника, т.е. безупречной методологической культуры [2, с. 24-25]. Именно эти критерии определяют профессионализм исследователя-фольклориста. Помимо данных качеств, по мнению Г.Г. Гамзатова, от ученого требуется серьезный подход и умение правильно классифицировать жанровые особенности фольклора.

Такого серьезного отношения требует к себе и карачаево-балкарская фольклористика. По фольклорным текстам можно изучать многовековую и многосложную историю любого этноса [1, с. 5]. Данное утверждение особенно справедливо в применении к устной словесности младописьменных народов, к числу которых относятся и карачаевцы и балкарцы. Это в свою очередь актуализирует важность и необходимость собирания и изучения образцов народного творчества.

Начиная с конца XIX в. сбором и публикацией произведений карачаево-балкарского фольклора занимались выдающиеся представители русской академической науки и культуры В.Ф. Миллер, профессора М.М. Ковалевский, Л.Г. Лопатинский, А.Н. Дьячков-Тарасов, Н.Ф. Грабовский, Н.П. Тульчинский, В. Прёле, П. Остряков, композиторы С.И. Танеев и М.А. Балакирев и др. Огромную помощь в собирании и переводе произведений карачаево-балкарского устного творчества им оказывали первые представители национальной интеллигенции Исмаил, Сафар-Али и Науруз Урусбиевы, Мисост Абаев и др.

Следует отметить, что публикации дореволюционного времени носили единичный и бессистемный характер. Более последовательно эдиционная работа стала осуществляться в советский период и была связана с деятельностью Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, созданного в 1926 г. Несмотря на то, что фольклорные

материалы, собранные экспедициями в довоенный период, частично были утрачены, активность ученых и национальной интеллигенции (С.О. Шахмурзаева, С.А. Отарова, К.С. Отарова, А.Ю. Бозиева, А.Х. Согтаева, Д.М. Таумурзаева, А.З. Холаева, З.М. Улакова, С.Б. Настаева, Ф.А. Урусбиевой, Т.М. Хаджиевой, Т.Ш. Биттировой, Х.Х. Малкондуева, А.М. Теппеева, А.И. Рахаева и др.) позволила в дальнейшем создать в институте архивный фонд, а тем самым и базу для последующих исследований [5, с. 118].

В дальнейшем национальная фольклористика обогатилась научными трудами А.И. Караевой, М.А. Хубиева, Р.А. Ортабаевой, А.З. Холаева, Ф.А. Урусбиевой, А.М. Теппеева, Х.Х. Малкондуева, Т.М. Хаджиевой, М.Ч. Джуртубаева, Т.Ш. Биттировой, Б.А. Берберова, Ф.Х. Гулиевой (Занукоевой), Л.С. Гергоковой и др. Работы ученых на должном научно-теоретическом уровне раскрывают фольклорное богатство карачаево-балкарского народа. Тем не менее приходится констатировать, что не все жанры национального фольклора изучены в достаточной степени. Если говорить о малых прозаических жанрах карачаево-балкарского фольклора, к которым относятся и притчи, несмотря на то, что накоплен определенный опыт, который дает возможность для их углубленного изучения, многое еще только предстоит сделать. Однако прежде всего следует понять, что собой представляет притча.

Это универсальный, неустаревающий, лаконичный, емкий жанр, короткий назидательный рассказ, в иносказательной форме заключающий в себе нравственное поучение. Притчи содержат в себе огромную часть народной мудрости, дают ответы на многие вопросы и отражают уровень сознания общества в ту или иную эпоху. Все это делает их особенным, неповторимым жанром фольклора.

В науке существуют различные точки зрения относительно определения (трактовки) жанровых особенностей притчи. Так, одна из попыток определения жанровых границ притчи была предпринята еще Г.Ф. Гегелем, который, сопоставляя притчи и басни, пытался выявить общие и отличительные черты. Он пришел к выводу, что притча все же имеет явную общую черту с басней – она придает событиям обычной жизни высший и более всеобщий смысл, ставит целью сделать этот смысл понятным и наглядным с помощью повседневного случая, который рассматривается сам по себе. Однако есть и отличительная черта: притча «черпает» случаи в делах людских, а не в мире животных и природы [3, с. 100–101].

Помимо Г.Ф. Гегеля, вопросом схожести и отличия притчи от басни задавались многие ученые-фольклористы [2, 4, 6]. Академик И.Ю. Крачковский, сопоставляя притчи с басней, отмечал, что аллегория притчи подчинена конкретному случаю или событию и тем самым раскрывает вечный смысл того, что происходит в мире [6, с. 441]. Данную мысль подтвердил и Д.С. Лихачев в следующем высказывании: «Притчи говорят не о единичном, а в общем, постоянно случающемся... притчи повествуют о «вечном» [8, с. 13].

Некоторые признаки притчи, такие как рационализм, назидательность и возведение единичного факта до философского обобщения действительности, в определенной степени характерны и для других дидактических жанров. В этом смысле притча часто сопоставляется с такими жанрами, как басня, бытовая сказка или анекдот. Тем не менее каждый жанр имеет свои отличительные черты. Так, если сравнивать притчу и басню, можно отметить, что последняя бытует самостоятельно в эстетическом обиходе народа. В отличие от нее притча чаще всего приводится как аргумент в споре, но с философской, доказательной базой. Притчи не просто житейские иллюстрации нравственных истин, заключающих религиозное и моральное поучение (они редко используются с целью прямого наставления). Притча – это обращение, где нет ни одного случайного слова, где человек легко может узнать себя. Притчи отвечают на вопросы, на которые не могут ответить ни философы, ни наука, ни религия.

Если сравнивать притчи с бытовой сказкой, появится так же много различий. Например, в отличие от бытовой сказки притча подчинена контексту, имеет дидактическое предназначение и позволяет себе лишь немного преувеличивать

высмеивание пороков главного героя в целях полного развенчания. Помимо смыслового различия, притча от сказки отличается формой построения. Бытовые сказки часто включают в себя ряд самостоятельных эпизодов, которые связаны одним персонажем и общей идеей. Притча же в свою очередь имеет одночленную структуру, содержащую одну ситуацию и схематизированный сюжет.

И притчи, и анекдоты обладают яркостью и живостью выражения, динамизмом и философичностью повествования. Однако если анекдот высмеивает отрицательные черты героя через комичность ситуации, то притча дает пищу для ума. В притче предстоит самому осмыслить философичность, комичность, трагизм конкретной ситуации.

Для более точного определения жанра притчи мы обратились к словарю литературоведческих терминов: «Притча. 1). Небольшой рассказ в иносказательном виде, заключающий моральное (или религиозное) поучение, по своей форме родственной басне. В отличие от многозначности истолкования басни в притче всегда заключена определенная дидактическая идея. Притча широко применяется в Евангелии, в аллегорической форме выражая духовные наставления; 2). Новый смысл притча приобрела в новейшей европейской литературе, являясь одним из средств выражения морально-философских суждений писателя, чаще всего идущих вразрез с принятыми в буржуазном обществе категориями. Притчу характеризует исключительная заостренность главной мысли, отсюда выразительность и экспрессивность повествования. Авторская идея притчи не оформляется в систему образов, здесь нет характеров и динамики событий – притча не изображает, а сообщает» [11, с. 295].

В ходе эволюции жанра двуплановая значимость его содержания привела к возникновению морали, сводящейся к повторению основной мысли или ее толкованию; общность с духовной сферой определила смысловую направленность и, соответственно, философски-рассудительную манеру повествования; необходимость быть не только доходчивой, но и запоминающейся, удобной для многократного пересказа.

Установить точную дату происхождения притчи практически невозможно, поскольку она появилась значительно раньше письменности. Жанр притчи мог возникнуть лишь на том этапе развития человеческого общества, когда были в достаточной степени развиты язык и образное мышление. По мнению исследователей, притча появилась в древности на Востоке, где любили говорить загадками, иносказаниями, аллегориями. Эффективным способом передачи знаний было иносказание в оптимальной для конкретного содержания форме – краткой, лаконичной, соответствующей требованиям запоминания и наиболее доступной для последующей передачи. Вполне естественно предположить, что притча была не единственным жанром, выполнявшим функцию передачи знаний. В частности, близким по характеристикам к притче был *аполлог* – краткая иносказательная назидательная повесть, возникшая на Востоке и предшествовавшая басне. В словаре литературоведческих терминов дается следующая характеристика: «*Аполлог* (от греч. *apologos* – повествование) – притча, краткая назидательная повесть. Аполлог возник на Востоке и был предшественником басни» [11, с. 21]. Следует отметить, что этот жанр в процессе развития литературы был вытеснен сходными с ним по функциям жанрами притчи и басни.

Притча – это произведение, в котором общий смысл почти всегда выносится как заключительное суждение в виде пословицы или поговорки. Ее главной особенностью является то, что она основывается на реальных событиях и явлениях. Основная задача притчи заключается в том, чтобы воспитать в духе народных традиций и обычаев, в том числе и религиозных. Ведь в основе мироощущения каждого народа лежит своя система ценностей. Исходя из востребованности и функциональной значимости притчи большинство специалистов сходятся в мнении, что «притча» незаслуженно игнорируется. Ее необходимо выделить в самостоятельный жанр и изучить особенности.

Что касается карачаево-балкарской притчи, то до настоящего времени она не являлась объектом специального изучения. Термин «притча» в переводе с русского на карачаево-балкарский язык звучит как «*оюм берген хапар*» или «*таурух*» [7, с. 487]. Но также часто в карачаево-балкарском языке она обозначается как *насийхат хапар* – «назидательный рассказ» (от *насийхат* «назидание, нравоучение», *хапар* «рассказ»). И то, и другое название притчи соответствует ее общей характеристике.

В 2010 г. издательством «Эльбрус» был издан сборник «*Къарачай-малкъар ойберле бла элберле*» («Карачаево-балкарские притчи и загадки») [7], где наиболее полно представлены карачаево-балкарские притчи и загадки. Составителем издания является знаток карачаево-балкарского фольклора, известный балкарский поэт Мурадин Ольмезов. Но возникает вопрос, откуда автор взял термин «*ойбер*», если оно ни в русско-карачаево-балкарском переводном, ни в толковых словарях карачаево-балкарского языка не значится. Обращение к различным тюркоязычным словарям также не дало результатов. Ни в одном из них данная словоформа не встречается. В русско-карачаево-балкарском переводном словаре слово «притча» переводится сочетанием трех слов: *оюм берген хапар*. Форма стержневого словосочетания и его компонентное значение в определенной степени просматриваются в новом терминологическом словосочетании, употребляемом в единственном и множественном числах: *ойбер – ойберле*.

Слово *оюм* «мысль» образовалось, по всей вероятности, от многозначного корня-основы *ой*, который исторически мог употребляться в глагольно-именной омонимии.

В настоящее время данный термин в карачаево-балкарском языке в чистом виде не встречается, хотя его можно без труда восстановить на материалах других тюркских языков, в которых он функционирует и по сей день. От слова *ой* и словообразовательного аффикса *-ла* так же, как и в других тюркских языках, образовался продуктивный глагол *ойла-* «думать, мыслить», который в свою очередь является лексико-семантической и лексико-грамматической базой для дальнейшего морфологического развития с помощью инвентарных единиц словообразования и словоизменения.

Исходя из аналитических наблюдений и сопоставлений можно сделать вывод относительно того, что сложное слово *ойбер*, в котором ударение падает на вторую часть, состоит из двух компонентов: общетюркского *ой*, употребляемого в двух значениях: 1. «мысль», 2. «ум» [10, с. 428], и глагола *бер* «давать». Оно имеет компонентное значение «давать мысли». Таким образом, можно утверждать, что в карачаево-балкарский фольклор термин *ойбер* был введен Мурадином Ольмезовым. Этимология этого слова раскрывается в результате членения его на составные части, каждая из которых имеет прозрачную семантику.

Тот факт, что данный термин не встречается в материалах карачаево-балкарского языка, переводных и толковых словарях, свидетельствует об окказиональном характере его употребления, в силу чего он имеет ограниченную сферу функционирования. Несмотря на искусственный характер, данный термин емко отражает особенности рассматриваемого жанра фольклора, связанного с короткими, лаконичными рассказами, в которых основное умозаключение приводится в конце микротекстов в виде нескольких простых и сложных предложений. Данное обстоятельство, на наш взгляд, свидетельствует о том, что термин *ойбер* имеет все основания быть введенным в научно-терминологический аппарат и включенным в толковые и переводные словари карачаево-балкарского языка.

Отдельные аспекты изучения притчи затронуты также в монографии Ф.Х. Гулиевой (Занукоевой) «Карачаево-балкарская сказочная проза и ее традиции в балкарской литературе». По мнению исследователя, карачаево-балкарские притчи можно разделить условно на две группы – религиозные (*фатыуа / патыуа*) и социально-бытовые [4, с. 42]. Если первые требуют толкования культуры и истории, то вторые дают готовые подсказки для решения, указывают на пороки и недостатки.

Основная задача притч – привить слушателям общепринятые этические нормы и правила поведения. Для того чтобы достичь такого эффекта, рассказчик всегда подчеркивает реальность событий и героев, о которых идет речь. Любое повествование волнует человека лишь на время, пока он с ним знакомится, песня впечатляет, пока звучит. По-настоящему человека затрагивает лишь то, что связано именно с его переживаниями. Для описания этих чувств и передачи опыта нужна новая форма изложения: эмоциональная, гибкая, образная.

Тематика притч в национальном фольклоре широка, разнообразна и охватывает все стороны поведения людей как в общественной, так и в семейной жизни. Притчи всегда носят поучительный характер: в них наглядно показывается, что благодаря честности, порядочности, доброте, трудолюбию и другим положительным качествам можно достигнуть счастья и благополучия. В народе актуальны притчи о гостеприимстве, дружбе, взаимопонимании и товарищеской верности, т.к. на Кавказе всегда высоко ценили и почитали обычаи и традиции.

В карачаево-балкарском фольклоре представлены притчи, обобщающие накопленный народом житейский опыт. Они служат как бы иносказательным передатчиком опыта. Исследование текстов позволило выявить их следующие жанровые признаки: 1) малый объем; 2) сказовая форма; 3) кольцевая композиция; 4) сюжет из обыденной жизни; 5) иносказание; 6) отвлеченное понятие; 7) нравоучение.

Являясь одним из самых древних жанров в мировом фольклоре и литературе, притчи прочно держатся в памяти, побуждают к разумным делам и справедливости, несут прямые и аллегорические советы, как жить в обществе, в семье, как вести себя с друзьями и врагами. В этом смысле они предстают «...как некий накопитель дошедших до логического завершения на каждом отдельном этапе развития общества моральных регуляторов...» [12, с. 24]. Народы разных стран стремились осмыслить и закрепить свой жизненный опыт в притчах. Карачаево-балкарский народ в этом плане не исключение.

Исходя из вышеизложенного, мы можем констатировать, что исследование карачаево-балкарских притч является одним из перспективных и продуктивных направлений современной карачаево-балкарской фольклористики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Берберов Б.А.* Карачаево-балкарский фольклор и литература: к проблеме преемственности. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 200 с.
2. *Гамзатов Г.Г.* Фольклор: мера историзма. Махачкала: Наука ДНЦ, 2010. 372 с.
3. *Гегель Г.-Ф.* Эстетика. М: Искусство, 1962. Т. 2. 330 с.
4. *Гулиева (Занукова) Ф.Х.* Карачаево-балкарская несказочная проза и ее традиции в балкарской литературе. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. 152 с.
5. *Гулиева (Занукова) Ф.Х.* Карачаево-балкарское сказковедение: современное состояние и перспективы // Вестник КБИГИ. 2016. № 4 (31). С. 118-121.
6. *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. М.; Л., 1956. Т. 2. С. 441.
7. Къарачай-малкъар ойберле бла элберле (Карачаево-балкарские притчи и загадки) / сост. М.М. Ольмезов; пер. с кар.-балк. Х.Ч. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2010. 456 с.
8. *Лихачев Д.С.* Первые семьсот лет русской литературы // Сб. произведений литературы древней Руси. М., 1969. Сер. 1. Т. 15. С. 13 (Б-ка всемир. лит.).
9. Русско-карачаево-балкарский словарь. М.: Советская энциклопедия. 744 с.
10. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.
11. Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. 509 с.
12. *Узденова Ф.Т.* Карачаево-балкарская поэзия: генезис и жанровое своеобразие. Нальчик: Принт Центр, 2018. 232 с.

REFERENCES

1. Berberov B.A. *Karachayevo-balkarskiy fol'klor i literatura: k probleme preyemstvennosti* [Karachay-Balkar folklore and literature: to the problem of continuity]. Nal'chik: Editorial office of KBSC RAS, 2018. 200 p.
2. Gamzatov G.G. *Fol'klor: mera istorizma* [Folklore: a measure of historicism]. Makhachkala: Nauka DNTS, 2010. 372 p.
3. Gegel' G. *Estetika* [Aesthetics]. Moscow: "Iskusstvo" publishing house, 1962. Vol. 2. 330 p.
4. Guliyeva (Zanukoyeva) F.KH. *Karachayevo-balkarskaya neskazochnaya proza i yeye traditsii v balkarskoy literature* [Karachay-Balkar non-fairy-tale prose and its traditions in Balkarian literature]. Nalchik: Publishing department of KBIHR, 2015. 152 p.
5. Guliyeva (Zanukoyeva) F.KH. *Karachayevo-balkarskoye skazkovedeniye: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy* [Karachay-Balkarian fairy tales studies: current status and prospects]. In *Vestnik KBIGI*, 2016. No 4 (31). Pp. 118-121.
6. Krachkovskiy I.Yu. *Izbrannyye sochineniya* [Selected Works]. Moscow, 1956. Vol. 2. S. 441.
7. Karachay-malkar oyberle bla elberle (*Karachayevo-balkarskiye pritchi i zagadki*) [Karachay-Balkarian parables and riddles] Compiled by. M.M. Ol'mezov; translation into Russian Kh.Ch. Dzhurtubaev. Nal'chik: El'brus, 2010. 456 p.
8. Likhachev D.S. *Pervyye sem'sot let russkoy literatury* [The first seven hundred years of Russian literature. Collection of ancient Russia literature works]. Moscow, 1969. No 1. Vol. 15. P. 13
9. *Russko-karachayevo-balkarskiy slovar* [Russian-Karachay-Balkar dictionary]. Moscow: Soviet Encyclopedia. 744 p.
10. Sevortyan E.V. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov* (Obshchetyurkskiye i mezhtyurkskiye osnovy na glasnyye) [Etymological dictionary of Turkic languages (Common-Turkic and inter-Turkic bases on vowels)]. Moscow: Nauka, 1974. 767 p.
11. *Slovar' literaturovedcheskikh terminov* [Dictionary of literary criticism terms]. Moscow: Prosveshcheniye publishing house, 1974. 509 p.
12. Uzdanova F.T. *Karachayevo-balkarskaya poeziya: genezis i zhanrovoye svoeyebraziye* [Karachay-Balkar poetry: genesis and genre originality]. Nalchik: Print Center, 2018. 232 p.

PARABLE IN THE KARACHAY-BALKAR FOLKLORE: FEATURES OF GENRE, THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT

Zh.M. LOKYAEVA

Institute of Humanitarian Researches –
branch of the FSBSE "Federal Scientific Center
"Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences"
360000, KBR, Nalchik, 18, Pushkin street
E-mail: kbigi@mail.ru

The article discusses the history of occurrence of parable genre, practically unexplored in Karachay-Balkar folklore study, identifies theoretical and methodological approaches to revealing its essence and specificity. At the present stage, during an epoch of changes and moral shocks, the need to turn to the sources of folk wisdom becomes more actual. In short instructive stories in the available art form the major principles of moral behaviour of people, ethics of relationships in society are reflected.

Keywords: parable, Karachay-Balkar folklore, genre, ethnos, poetics.

Работа поступила 26.03.2019 г.